

Комитетъ 4 апрѣля 1851 года.

(Синодальный секретный цензурный комитетъ) ¹⁾.

22 февраля 1848 года въ Петербургѣ было получено извѣстіе о провозглашеніи французской республики, а 27-го былъ уже составленъ комитетъ для разсмотрѣнія „правильности дѣйствій цензуры по части журналистики“. Этотъ временный ревизіонный Меншиковскій комитетъ чрезъ мѣсяць уступилъ мѣсто постоянному „Комитету 2 апрѣля 1848 г.“, существовавшему до 1855 г.

Цѣль, характеръ и полномочія комитета опредѣлялись слѣдующими тремя положеніями:

Цѣль комитета есть высшій, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи надзоръ за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія.

Комитетъ, не касаясь предварительной цензуры, рассматри-

¹⁾ Официальныя данныя объ учрежденіи и закрытіи этого комитета содержатся въ Сборникѣ... распоряженій... по духовной цензурѣ изд. 1870 г. стр. 163—7. Но какъ мало еще выяснены обстоятельства его возникновенія видно хотя бы изъ того, что специальный изслѣдователь „эпохи цензурнаго террора“ М. Лемке ограничивается въ данномъ случаѣ слѣдующими скудными и неточными строками: „По всей вѣроятности, около 1852 года, изъ вѣдѣнія комитета 2 апрѣля изъятые были сначала всѣ сочиненія духовнаго содержанія, а затѣмъ вскорѣ и всѣ, выходящія на восточныхъ и еврейскомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, единственный источникъ, откуда удалось извлечь это указаніе, не даетъ точнаго срока такихъ изъятій. Во всякомъ случаѣ въ этомъ вовсе нельзя видѣть хоть, малѣйшее недовѣріе къ комитету. Вѣроятно онъ самъ, по сложности дѣла ходатайствовалъ объ освобожденіи себя отъ тяжести нѣкоторыхъ обязанностей“ „Очерки... цензуры“, 1904, стр. 298.

Установить генезисъ синодальнаго секретнаго комитета путемъ выясненія взаимныхъ отношеній комитета 2 апрѣля и вѣдомства православнаго исповѣданія,—и составляетъ цѣль предлагаемаго очерка.

ваеѣ единственно то, что уже вошло въ печать, и о всѣхъ наблюденіяхъ своихъ доводить до высочайшаго свѣдѣнія.

Комитетъ, какъ установленіе неоффиціальное и негласное, не имѣетъ самъ по себѣ никакой власти, и всѣ его заключенія вступаютъ въ силу лишь чрезъ высочайшее ихъ утвержденіе ¹⁾).

Надзору верховнаго секретнаго комитета, по прямому смыслу положенія, была подчинена и область духовнаго книгопечатанія. Такъ и было въ дѣйствительности. Комитетъ 2 апрѣля началъ совершать свои террористическіе акты надъ книгами и авторами вѣдомства православнаго исповѣданія. Но это вмѣшательство (не духъ его, а самый фактъ) начало все болѣе и болѣе тяготить ревниваго къ власти тогдашняго синодальнаго оберъ-прокурора Протасова. Онъ сталъ предпринимать попытки къ болѣе точному разграниченію сферъ вліянія. И, въ результатѣ, спустя три года послѣ возникновенія комитета 2 апрѣля, вѣдомство православнаго исповѣданія обзавелось собственнымъ и вполне аналогичнымъ ему комитетомъ 4 апрѣля 1851 года.

Остановимся сначала на генезисѣ этого комитета,—на тѣхъ причинахъ, которыя побудили синодальныхъ дѣятелей установить сначала такое или иное отношеніе къ комитету 2 апрѣля, а затѣмъ и обособиться въ своемъ секретномъ комитетѣ.

Въ самый періодъ западныхъ событій, когда даже Уваровъ былъ признанъ отсталымъ, и представителю духовнаго вѣдомства не улыбалась перспектива принимать на себя отвѣтственность за политическую благонамѣренность духовной цензуры. И Протасовъ въ этомъ случаѣ предпочелъ слѣдовать примѣру начальника III-го Отдѣленія Орлова, „которому, по выраженію М. Лемке, приходилось серьезно подумать о томъ, какъ бы сложить съ себя обѣщавшія стать и очень тяжелыми и очень хлопотливыми обязанности по надзору за литературой и цензурой, принятыя III Отдѣленіемъ еще при самомъ своемъ основаніи въ 1826 году.... Въ результатѣ—твердое желаніе Орлова уступить эту послѣднюю кому нибудь другому“ ²⁾).

¹⁾ Лемке М. Очеркъ по исторіи русской цензуры и журналистики XIX в. (1904) 193—5.

²⁾ М. Лемке, н. соч. 194.

Въ началѣ 1849 года Протасовъ обратился съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ. „Пресвященный Херсонскій просить о разрѣшеніи напечатать сочиненное имъ „Слово на день Рождества Христова и воспоминанія избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадцати языкъ“. Оно примѣнено къ обстоятельствамъ нынѣшняго времени и направлено къ утвержденію читателей въ вѣрѣ и преданности Престолу и къ вразумленію въ гибельныя послѣдствія уклоненія отъ сихъ спасительныхъ началъ. Политическія смуты западныхъ государствъ возбудили и въ другихъ духовныхъ пастыряхъ ревность къ огражденію паствы своей отъ вредныхъ внушеній и нѣтъ сомнѣнія, что подобныя внушенія имѣютъ на народъ самое благотѣльное дѣйствіе по тому уваженію, коимъ у насъ пользуется Архипастырскій санъ. Между тѣмъ въ подробностяхъ изложенія можетъ вкрадываться иногда и невѣрность взгляда на событія Европы, или недостатокъ точности по предмету, вовсе не входящему въ кругъ чисто духовныхъ обязанностей. Духовная цензура, столь же мало знакомая съ политикой, не можетъ также принять на себя отвѣтственности за вѣрность и точность изложенія въ гражданско-политическомъ смыслѣ.

По симъ соображеніямъ обязаннымъ себя считаю всеподданнѣйше представить В. И. Величеству, не благоугодно ли будетъ, въ огражденіе общей пользы, Высочайше повелѣть, чтобы изъ выходящихъ въ здѣшней столицѣ духовныхъ сочиненій, тѣ, кои заключаютъ въ себѣ мѣста гражданско-политическаго содержанія, были, сверхъ духовной цензуры, предоставляемы разсмотрѣнію опытныхъ и свѣдущихъ свѣтскихъ сановниковъ, кого В. В-ству благоугодно будетъ для сего назначить“.

Результатомъ этого доклада былъ слѣдующій докладъ Протасова Синоду: Государь Императоръ соизволилъ представить мнѣ отправлять подобныя сочиненія на разсмотрѣніе существующаго по части цензуры Комитета подъ предсѣтельствомъ д. т. с. Бутурлина ¹⁾.

На проповѣдяхъ Иннокентія, послѣ разбора ихъ секретнымъ комитетомъ, была положена высочайшая резолюція:

¹⁾ Архивъ канц. об.-прок. С. С., 1849, 42590.

„прекрасно, кромѣ вычеркнутаго“. Благонамѣренный ихъ духъ поразилъ даже Погодина, который нашелъ притомъ основанія ставить ихъ въ связь съ наградами, вскорѣ полученными Иннокентіемъ.

Немного спустя на предварительное разсмотрѣніе секретному комитету были представлены три „политическія“ рѣчи епископа рижскаго Платона. Послѣдній, будучи еще цензоромъ спб. духовнаго цензурнаго комитета, достаточно показалъ свое крайнее усердіе именно въ очисткѣ сочиненій отъ всего неблагопріятнаго съ государственной точки зрѣнія. Нечего и говорить, поэтому, насколько благонамѣренны были его теперешнія проповѣди, о которыхъ и самъ верховный трибуналъ прежде всего счелъ долгомъ засвидѣтельствовать, что „онѣ написаны въ духѣ чистѣйшей любви и самой искренней преданности къ Престолу и Отечеству“. И тѣмъ не менѣе „Комитетъ не могъ не замѣтить во второй и третьей изъ нихъ нѣкоторыхъ сужденій о политическихъ собственно обстоятельствахъ, которые въ печати могутъ подать легкомысленнымъ читателямъ поводъ къ неблаговиднымъ и превратнымъ толкованіямъ. Напримѣръ, помѣщенные во второй рѣчи намеки на совершающіеся во Франціи достойные сожалѣнія перевороты могутъ въ глазахъ читателей казаться приготовленіемъ къ близкому разрыву съ симъ Государствомъ, съ которымъ однакожъ Правительство наше остается въ добрыхъ отношеніяхъ; а въ третьей—встрѣчаются слова, никакими фактами недоказанныя, которыя выражаютъ, будто бы внѣшніе враги нашего Отечества желаютъ найти въ Россіи предателей и отторгнуть западную ея часть.

„Съ другой стороны Комитетъ находилъ, что хотя проповѣдники наши и прежде говаривали о политическомъ положеніи Отечества, но при этомъ строго всегда придерживались лишь современныхъ событій и намѣреній Правительства, гласно обнародованныхъ, приводя оныя въ рѣчахъ своихъ только для того, чтобы присоединить къ нимъ свои молитвы...; выходящія же изъ сихъ предѣловъ разсужденія о политическихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Комитета, отнюдь не должны быть предметомъ ученій или проповѣдей Богослова. По симъ соображеніямъ Комитетъ призналъ болѣе осторожнымъ объ эти рѣчи не предавать печатанію, допустивъ издать одну только первую проповѣдь, которая

основана именно на намѣреніи правительственномъ, гласно обнародованномъ.

Для характеристики направленія и тона проповѣдей и отношенія къ нимъ комитета 2 апрѣля слѣдуетъ привести нѣсколько выписокъ, сдѣланныхъ самимъ комитетомъ.

„Чтобы мы, Русскіе, восклицалъ ораторъ, сыны славнаго Отечества, рѣшились предать его въ жертву мятежа и гибельныхъ послѣдствій онаго? (чтобы мы подданные Великаго Монарха захотѣли подло измѣнить ему?) чтобы мы, православные, захотѣли нарушить заповѣдь Божию о повиновеніи властямъ“...? Противъ словъ, взятыхъ въ скобки, комитетомъ поставленъ вопросительный знакъ и краткое замѣчаніе: „Даже и не упоминать бы объ этомъ“.

Въ критикѣ проповѣдниковъ коммунизма противъ выраженій, отмѣченныхъ курсивомъ, комитетомъ поставленъ знакъ вопроса:

„Они умышляютъ ниспровергнуть власти, *отригнуть* законы, уничтожить право, на коихъ держится весь общественный порядокъ“.

„Представьте, братіе, что какой либо наглецъ вошелъ бы въ вашъ домъ и началъ самовластно распоряжаться въ немъ... ломать и перестраивать. Представьте, что, не ограничиваясь симъ, онъ расхищаетъ ваше имущество, собранное многолѣтними трудами вашими, и беретъ оное себѣ *или отдаетъ какому-нибудь* другому негодяю, потому только, что вы богаты, а онъ бѣденъ *по своей винѣ*..., что онъ возмущаетъ противъ васъ подчиненныхъ вашихъ и не только лишаетъ васъ власти, но еще заставляетъ васъ повиноваться бывшему слугѣ вашему ..—и скажите, что было бы съ вашимъ домомъ, каково было бы и ваше собственное положеніе, если бы такое наглое самоуправство осуществилось... А крамольники дѣйствительно хотятъ осуществить это, вторгшись во всякій домъ отечества нашего“ ¹⁾.

Однако не въ духъ неограниченной власти комитета 2 апрѣля было вѣдать о ѣ выдержки изъ политическихъ проповѣдей. Какъ призванный къ надзору за литературой и „въ нравственномъ отношеніи“ онъ началъ своего рода наступательныя дѣйствія на область вѣдомства православнаго

¹⁾ Канц. об. прок.. 1849. 42657.

исповѣданія. Въ ноябрѣ 1849 года въ Синодъ поступило слѣдующее отношеніе Анненкова, замѣстившаго въ комитетѣ Бутурлина. „Въ недавнемъ времени на разсмотрѣніе комитета 2 апрѣля поступили двѣ напечатанныя въ московской синодальной типографіи книжки духовнаго содержанія: служба святителю Иннокентію Иркутскому—2) молитвы при божественной литургіи. Такъ какъ при изданіи сихъ книжекъ не соблюдено изображеннаго въ уставѣ о цензурѣ (§ 23, п. б. 41) правила, коимъ постановлено на каждой печатаемой книгѣ означать позволеніе просматривавшаго ее цензора,—то я счелъ нужнымъ обстоятельство сіе сообщить на усмотрѣніе Вашего Сіятельства... Покорнѣйше прошу почтѣть увѣдомленіемъ: не имѣется ли по духовному вѣдомству какого либо особаго постановленія по сему предмету, составляющаго изъятіе изъ приведеннаго здѣсь общаго цензурнаго закона?

Отвѣтъ на этотъ разъ былъ вполне успокоителенъ. Св. Синодъ, писалъ Протасовъ, поручилъ отвѣтствовать, что Богослужбennыя книги, печатаемыя въ типографіяхъ Св. Синода, не подлежатъ разсмотрѣнію цензурныхъ комитетовъ, какъ издаваемыя собственно отъ Церкви и на отвѣтственности Синода, и что по сей причинѣ и не выставляется на нихъ одобренія цензуры ¹⁾.

Спустя, однако, нѣсколько дней былъ полученъ новый отзывъ секретнаго комитета, который, задѣвъ Протасова, побудилъ его мужественно выступить на защиту и достигнуть значительнаго успѣха.

Найдя въ трудѣ архіеп. Игнатія Воронежскаго „О таинствахъ единой, святой, соборной и апостольской церкви“ сомнительныя мѣста, комитетъ почтилъ Протасова слѣдующимъ кофиденціальнымъ отношеніемъ: „... При всемъ уваженіи къ сану и лицу ученаго и благонамѣреннаго автора книги, комитетъ не могъ не ощутить печальнаго впечатлѣнія отъ того рѣзкаго и едва ли совершенно приличнаго тона, въ которомъ онъ опровергаетъ тутъ нѣкоторыя разномыслія съ нами протестантовъ. Со словами „подивитесь“ сочинитель приводитъ цѣлый рядъ ученій Лютера и потомъ въ опроверженіяхъ своихъ называя его „Господиномъ Докторъ,

1) Кавц. об.-прок., св. Синода, 1849. 42, 661.

Г. Лютеръ“, перемѣшиваетъ все это слѣдующими выраженіями: „сохрани Боже, ужасно помыслить“, „удивительное, непостижимое забвеніе“; „не Евангельское ученіе называющихся Евангеликовъ“, и, наконецъ, въ заключеніе прибавляетъ: „не вижу ничего, столь явно и опасно несообразнаго съ Божиимъ словомъ, какъ два первые, самые главные члены ученія Лютера“.

„Не входя въ вопросъ: необходимо и полезно ли къ подтвержденію истинъ святой нашей вѣры привлекать полемику, допускающую возможность сравненій и критическаго разбора въ томъ, что должно быть превыше всякихъ сравненій и разборовъ, комитетъ признавалъ, что приведенныя выраженія сами по себѣ несвойственны важности предмета и духу кротости и терпимости, всегда отличавшихъ православную Церковь; съ другой же стороны, они не могутъ не быть огорчительны для многочисленнаго населенія, исповѣдывающаго у насъ Лютерово ученіе и даже могутъ вызвать такія прѣнія, которыхъ Правительству ни въ какомъ случаѣ не возможно бы было допустить, и коихъ запрещеніе, между тѣмъ, оставляя право порицанія, въ дѣлахъ совѣсти и вѣры за одною господствующею церковью, усилило бы еще болѣе мѣру сего огорченія.

„Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ, не обращаясь къ цензору (архим. Іоанну) поставить вышеннеложенныя разсужденія въ виду пр. Игнатія для предостереженія его въ семъ смыслѣ на будущее время, исполненіе чего негласнымъ образомъ поручить Вашему Сіятельству, какъ Оберъ-Прокурору Св. Синода.

„Государь Императоръ, удостоивъ изложенное здѣсь заключеніе Высочайшаго утвержденія, изволилъ съ тѣмъ вмѣстѣ собственноручною на журналъ комитета резолюціею повелѣть предоставить Вамъ, Милостивый Государь, донести Его Императорскому Величеству, зачѣмъ духовная цензура пропускаетъ подобныя сочиненія“.

На этотъ вызовъ Протасовъ отвѣтилъ двумя всеподданныйшими контръ-докладами. Первый имѣлъ въ виду „сомнительную“ книгу, второй носитъ характеръ объяснительной записки.

... Упомянутая книга, писалъ оберъ-прокуроръ, содержитъ изложеніе ученія нашей Церкви о св. Тайнствахъ, сравни-

тельно съ ученіемъ Римско - Католиковъ, Протестантовъ и раскольниковъ. Посему она, какъ догматическая, по предварительномъ въ 1845 г. рассмотрѣніи и одобреніи сперва Цензоромъ, а потомъ Духовнымъ Цензурнымъ Комитетомъ была отъ него представлена въ Св. Синодъ, по указу коего вновь рассмотрѣна конференціею Спб. Духовной Академіи и ею вполнѣ одобрена, какъ назидательная для православныхъ, способная предохранить ихъ отъ уклоненія въ иновѣріе, и особенно полезная для тѣхъ священниковъ, коихъ паства находится среди христіанъ разныхъ исповѣданій. Засимъ она окончательно получила разрѣшеніе въ текущемъ году по опредѣленію Св. Синода 6 мая. Изъ сего видно, что цензоръ, коего имя выставлено на книгѣ, былъ только исполнителемъ распоряженій всего высшаго Духовнаго Начальства.

Въ исполненіе Высочайшей воли В. И. В., долгомъ считаю всеподданнѣйше представить относительно замѣченныхъ комитетомъ выраженій нижеслѣдующее соображеніе.

Всѣ они находятся только на четырехъ страницахъ (207—210), отмѣченныхъ чертою въ подносимомъ при семь экземплярѣ, и если Ваше Императорское Величество соблаговолитъ удостоить взглянуть на нихъ, то изволите усмотрѣть, что они комитетомъ выписаны отрывочно, имѣютъ же настоящий смыслъ только въ связи съ рѣчью, откуда взяты.

Говоря о таинствѣ Евхаристіи, различно понимаемомъ, сочинитель неминуемо долженъ былъ коснуться первыхъ двухъ членовъ Лютерова ученія, изъ коихъ *первый* есть извѣстное отрицаніе необходимости добрыхъ дѣлъ къ спасенію, потому что „человѣкъ оправдывается якобы съ своей стороны единою вѣрою“, а во *второмъ* Литургія именуется „крайнею и ужасною мерзостію, идолослуженіемъ, опаснымъ изобрѣтеніемъ человѣческимъ“ и пр.

Послѣ сего даже могла ли Духовная Цензура посягнуть на исключеніе словъ Православнаго пастыря: „удивительное непостижимое забвеніе“, или: „Не вижу ничего, столь явно и опасно несообразнаго съ Словомъ Божиимъ, какъ два первые *самые* главные члены ученія Лютера“, равно какъ и не должна ли она была, послѣ упомянутой хулы на священнодѣйствіе Божественной Литургіи, согласиться, что это „не Евангельское ученіе“ и признать весьма справедли-

выми прочія замѣченныя комитетомъ выраженія. И хотя Лютеръ говоритъ о Литургіи Римской, потому что имѣлъ дѣло съ Римомъ, но тѣмъ не менѣе осужденіе его падаетъ прямо на установленіе Литургіи вообще, слѣдственно и на нашу Литургію, имѣющую одно основаніе съ Римскою, положенную Спасителемъ и Апостолами. Обѣ онѣ цѣлые девять вѣковъ совершались въ Восточной и Западной Церкви единомысленно.

Признавая опасность, заключалъ оберъ-прокуроръ, даже самой тѣни какого-либо со стороны гражданской ограниченія въ изъясненіи православныхъ догматовъ, ограниченія, могущаго, хотя косвеннымъ образомъ, произойти отъ сдѣланныхъ Комитетомъ замѣчаній на Богословскій трудъ Архипастыря, весьма извѣстнаго благочестивымъ Русскимъ читателямъ ревностью противъ раскола, и чрезъ то дать поводъ къ превратнымъ толкамъ въ Духовенствѣ и народѣ,—вмѣняя себѣ, по долгу званія моего, въ обязанность, какъ вѣрный подданный и проникнутый убѣжденіемъ не только въ святости всего ученія Православной Церкви, но и въ величайшей важности его для Престола и Государства,—все-подданныѣше испрашивать, не соизволите ли Высочайше одобрить мысль, чтобы означенный Комитетъ, по книгамъ, подлежащимъ Духовной Цензурѣ, во избѣжаніе недоразумѣній и одностороннихъ мнѣній, приглашалъ къ общему о нихъ сужденію кого-либо изъ Высшихъ Духовныхъ сановниковъ—достойнаго и Высочайшаго довѣрія, какъ и прочіе члены Комитета, но въ то же время имѣющаго болѣе специальныхъ познаній Духовной части: для чего могъ бы быть назначенъ или одинъ изъ присутствующихъ въ Св. Синодѣ Архіереевъ или постоянный Членъ онаго, духовникъ Вашего Императорскаго Величества, протопресвитеръ Бажановъ.

Основные идеи второго доклада Протасова—болѣе общаго характера. Сначала здѣсь идетъ защита полемиической части Богословія, столь важной и столь необходимой, что безъ нея и догматическая теряетъ силу. Въ православной полемикѣ идетъ дѣло не о суетныхъ тонкостяхъ схоластическихъ преній среднихъ вѣковъ, но о существенныхъ основаніяхъ вѣры и о жизненныхъ началахъ самой Церкви. Особенно необходима она въ настоящее время. Чѣмъ болѣе знаком-

ства съ Европою, тѣмъ неизбежнѣе сравненіе чужихъ мнѣній съ нашими и тѣмъ легче, по врожденной человѣку слабости, дается предпочтеніе тому ученію, въ правилахъ коего менѣе строгости и болѣе свободы для жизни.

Хотя законы государства Россійскаго, при всей вѣротерпимости, строго воспрещаютъ совращеніе изъ православія; но для совѣсти нѣтъ закона выше внутренняго убѣжденія. Кромѣ того не пользуясь въ Россіи правомъ публично или печатно защищать и распространять свое вѣроученіе, съ опроверженіемъ православія,—иновѣрцы съ избыткомъ вознаграждаются тѣми пособіями, кои выписываются изъ-за границы для ихъ богословскихъ факультетовъ.

Этими именно причинами, при недостаточномъ, къ сожалѣнію, знаніи различныхъ вѣръ, обусловливается охлажденіе къ родной вѣрѣ. Отъ неутвержденія въ догматахъ православія происходили всѣ совращенія въ латинство, „кои однакожь, никогда не были столь опасны, какъ безразличный образъ мыслей, внушаемый духомъ Протестантизма. Первое (латинство) тотчасъ обличаетъ своихъ послѣдователей явнымъ ихъ отпаденіемъ отъ вѣры отцовъ, которое преслѣдуется (хотя только для формы) государственнымъ закономъ. Вліяніе же протестантизма распространяется безъ всякихъ видимыхъ, преслѣдуемыхъ закономъ отпаденій. Реформація, продолжаетъ докладъ, давъ свободу уму, почти во всей Европѣ переродилось въ раціонализмъ и революцію. Православная же Церковь, хранительница преданія, соблюдаетъ чадъ своихъ въ единствѣ вѣры и создала дивную силу Самодержавія. Отъ воспрещенія и ограниченія права сочинять или издавать „православно-полемическія книги непременно постраждетъ Православіе, а еще болѣе Государство, коего благоденствіе зависитъ отъ тѣснѣйшей связи съ Православною Церковью“.

Это ограниченіе („нынѣ совершенно неожиданное и противоположное всѣмъ прежнимъ распоряженіямъ, особенно же въ нынѣшнее Царствованіе“), можетъ лишь смутить пастырей и усилить пропаганду. „Латинство всего успѣшнее дѣйствуетъ на колеблющіеся умы православныхъ тѣми убѣжденіями, будто Церковь Россійская не тверда въ своихъ основаніяхъ и будто съ начала прошлаго вѣка наклоняется Правительствомъ къ реформѣ“.

Раскольники также уважаютъ лишь тѣхъ пастырей и тѣ мѣропріятія правительства, которыя защищаютъ священную древность. Напротивъ, изъ каждаго ограниченія дѣйствій Церкви расколъ извлекаетъ поводъ для упрёка и Церкви и Правительству къ вѣщшему ожесточенію своихъ послѣдователей.

„Самостоятельность же, къ которой расколъ стремится и внутри и внѣ Государства, и которой достигнувъ, онъ не-премѣнно—расторгнувъ бы духовную и даже политическую связь цѣлыхъ милліоновъ православнаго населенія Россіи, составляетъ только одну сторону неисчислимаго вреда, могущаго произойти для Государства отъ ослабленія Церкви. Не меньшей опасности ожидать должно, когда, при продолжающемся вліяніи европейскаго образованія на Отечество наше и при недостаткѣ противодѣйствія Протестантизму, разныя отдѣльныя секты раскола ознакомятся съ иноземнымъ свободомысліемъ, встрѣтятся съ подобными же сектами другихъ вѣръ, отъ ученія коихъ, въ Россію занесеннаго, многія косвенно происходятъ (Духоборцы, Перекрещиванцы и пр.), и хотя съ ними не сольются, но займутъ отъ нихъ отвагу дѣйствій, которой еще не имѣютъ.

Противъ всѣхъ сихъ опасностей, заключалъ докладъ, единственный оплотъ Церковь, когда ей всемѣрно споспѣшествуетъ Государство,—въ исключительно не раздѣльномъ бытіи ихъ. По мѣрѣ убѣдительнаго для Православныхъ отраженія его протестантскаго духа, возрастаетъ ея сила предъ Латинствомъ и Расколомъ, а жизнь и сила Церкви есть жизнь и сила Отечества; воспитываемый ею народъ есть народъ безусловно послушный власти самодержавной, Богоучрежденной по смыслу догмата нашей Церкви о таинствѣ Священнаго Царскаго Миропомазанія“.

Предположенія Протасова были высочайше одобрены, поставленіе на видъ автору нѣкоторыхъ выраженій отмѣнено. Мало того, доклады произвели эффектъ, нѣсколько неожиданный и для самого оберъ-прокурора. Десятаго декабря 1849 г. было „изъявлено высочайшее соизволеніе, чтобы въ подобныхъ случаяхъ, когда, при разсматриваніи книгъ и сочиненій духовнаго содержанія, представляются предметы къ замѣчаніямъ или возникнутъ недоумѣнія, приглашаемъ быть

въ Комитетъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода“ ¹⁾. „Вышнимъ духовнымъ сановникомъ, достойнымъ высочайшаго довѣрія и имѣющимъ спеціальныя познанія духовной части“, былъ признанъ, слѣдовательно, не кто иной, какъ графъ Протасовъ.

Но такой исходъ дѣла могъ явиться и дѣйствительно явился лишь компромиссомъ. Мобилизація всѣхъ цензурныхъ комитетовъ ²⁾, повлекла за собой и новыя указанія недочетовъ духовной цензуры. Указанія были иногда правы, иногда неправы; во всякомъ случаѣ они заставили Протасова исподволь стремиться къ сепаратизму, путемъ организаціи собственнаго секретнаго комитета.

Въ тѣ же дни, когда оберъ-прокуроръ введенъ былъ въ Комитетъ, состоялось строжайшее подтвержденіе по всѣмъ вѣдомствамъ правилъ о неуклонной присылкѣ въ С.П.б. публичную бібліотеку по два экземпляра всего, издающагося въ имперіи ³⁾. Одинъ изъ этихъ экземпляровъ передавался въ Комитетъ 2 апрѣля, и онъ, такимъ образомъ, могъ расширить свой кругозоръ, оставаясь, какъ и прежде, невидимымъ.

Въ результатъ, участилось препровожденіе на судъ Синода сомнительныхъ выдержекъ, изъ одобренныхъ духовной цензурой книгъ. Одинаково стали привлекать вниманіе комитета и замѣтки хроникеровъ губернскихъ вѣдомостей и учено-историческія изслѣдованія. Наблюдалъ онъ за благонаправіемъ переводовъ изъ отеческихъ твореній и за благонамѣренностью цитатъ изъ св. Писанія ⁴⁾.

Однако, къ этимъ представленіямъ въ духовномъ вѣдомствѣ стали относиться далеко не съ прежнею предупредительностью. Замѣчанія комитета уже чаще стали встрѣчать антикритику, для составленія которой Протасовъ старался привлекать специалистовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда прямо оспаривать точку зрѣнія верховнаго комитета было неудобно, подыскивались смягчающія обстоятельства. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

¹⁾ Канц. об.-пр. С. С. 1849. 42662.

²⁾ По выраженію М. Лемке стр. 220.

³⁾ П. С. Зак.

⁴⁾ Напр., канц. об.-пр., 1850, 44319.

Въ Костромскихъ вѣдомостяхъ (№ 20), сообщалъ комитетъ Протасову, напечатано описаніе прибытія въ Кострому пр. Леонида. Комитетъ, находясь въ недоумѣніи: выполнѣ ли соотвѣтствуетъ это описаніе самому событію, поручилъ мнѣ сообщить Вамъ "... Въ отвѣтъ Синода читаемъ слѣдующее: Св. Синодъ не находитъ достаточнаго повода къ изслѣдованію правильности описанія встрѣчи подчиненнымъ духовенствомъ и воспитанниками своего новаго архипастыря, происходившей согласно съ древними церковными обычаями, въ виду и при участіи многочисленныхъ посѣтителей, стекавшихся на сію встрѣчу по благочестивымъ чувствованіямъ. Притомъ статья и не содержитъ ничего такого, что, по существовавшимъ доселѣ правиламъ, могло бы подлежать замѣчанію со стороны цензуры ¹⁾.

Не менѣе обезпокоенъ былъ комитетъ и актовой рѣчью ректора Могилевской семинаріи Серафима о свободѣ воли ²⁾. Въ общей ея благонамѣренности онъ ни мало не сомнѣвался. Читая замѣченныя мѣста въ порядкѣ рѣчи, писалъ онъ, можно видѣть, что сочинитель не хотѣлъ ни защищать, ни высказывать неточныхъ мыслей, и написалъ ихъ только отъ недосмотра. Однако это нисколько не помѣшало комитету, читая мѣста „въ порядкѣ рѣчи“, тотчасъ сопровождать ихъ своими внушительными комментаріями. Вотъ три такихъ отрывка изъ рѣчи. 1) „Великіе дѣйствователи—благотворители челоувѣчества, перечислялъ ораторъ, это Солонъ, Ликургъ, Н. Помпилій, М. Аврелій, Титъ, Альфредъ, Петръ В., Александръ Благословенный“... 2) „Деспотизмъ исключительно принадлежитъ Азіи и она не способна имѣть другого образа правленія“. 3) „Свобода, поскольку она есть свобода, всегда готова воспротивиться вліянію силъ стороннихъ и дѣйствовать по своему произволу“.

Первый отрывокъ вызвалъ слѣдующее замѣчаніе: „Такое сопоставленіе или смѣшеніе лицъ изъ язычества и христіанства невыгодно для истины и особенно неприлично сочинителю статьи по его сану“. Второму былъ противопоставленъ доводъ: „Если выраженіе принимать въ прямомъ смыслѣ, то смыслъ выходитъ не согласный ни съ здравымъ рассу-

1) Канц. об.-пр. С. С., 1850, 44328.

2) Перепечатанной изъ могилевскихъ въ пензенскія губ. вѣд.

жденіемъ, ни съ исторіею, особенно священной“. По поводу третьяго положенія комитетъ разразился длинной тирадой на тему, что существо нравственной свободы не въ томъ состоитъ, чтобы противиться постороннему вліянію, а въ томъ, что воля, подъ руководствомъ разсужденія, непринужденно избираетъ или предписываемое закономъ, или внушаемое превратнымъ самолюбіемъ. Въ первомъ случаѣ и т. д.

Тонкіе вопросы и мотивировка оказали свое дѣйствіе, хотя и не полное. Въ упомянутой рѣчи, соглашался Синодъ, есть происшедшая отъ недосмотра неясность изложенія въ разныхъ мѣстахъ, неточность выраженій и нѣкоторая напыщенность слога. Всѣ сии недостатки свойственны большей части подобныхъ сочиненій, исключая развѣ весьма немногихъ образцовыхъ авторовъ, и не могутъ ни мало быть соблазнительны для воспитанниковъ семинарскихъ, достаточно приготовленныхъ къ слушанію наукъ отвлеченныхъ, тѣмъ болѣе, что они знакомятся съ сими предметами не изъ одной рѣчи, а изъ совокупности всего того, что о нихъ говоритъ имъ наставникъ въ теченіе всего курса. Но что понятно для нихъ, то не можетъ быть еще понятно для всѣхъ, особенно же для малознакомыхъ съ языкомъ ученаго развитія предметовъ чисто духовныхъ. Такіе читатели, конечно, могутъ одно принять за другое и то, что говорится о внутренней свободѣ чловѣческой воли, понять въ смыслѣ внѣшнихъ ея проявленій, и потому и не слѣдуетъ подобныхъ рѣчей печатать въ Губернскихъ вѣдомостяхъ, безъ особеннаго разсмотрѣнія ихъ Духовною Цензурою, что доселѣ не наблюдалось.

Практическимъ результатомъ этого эпизода явилось во-первыхъ, распоряженіе, чтобы проповѣди, слова и рѣчи духовныхъ лицъ не печатались въ губернскихъ вѣдомостяхъ безъ особаго разсмотрѣнія духовно-цензурныхъ комитетовъ; во-вторыхъ, предписаніе этимъ комитетамъ при разсатриваніи подобныхъ статей усугублять все вниманіе къ тому, дабы въ нихъ не были допускаемы разсужденія, которыя по отвлеченности и неудобопонятности могутъ возбуждать въ читателяхъ превратныя мысли и толки и, въ-третьихъ,—подтверженіе имъ же усугубить вниманіе и осторожность и относительно прочихъ сочиненій, строго держась всѣхъ

правиль, преподаанныхъ къ наблюденію при разсмотрѣніи оныхъ ¹⁾).

Несмотря, однако, на всѣ эти грозныя прещенія, изъ самага тона синодальныхъ разсужденій видно, что духовная власть не особенно привѣтствовала появленіе Комитета 2 апрѣля въ актовыхъ залахъ расадниковъ православія.

Совершенно аналогичную постановку дѣла можно наблюдать и въ другихъ инцидентахъ того же 1850 года, когда тѣ или иные обстоятельства побуждали къ дипломатической осторожности. Таковъ былъ случай съ Историческимъ описаніемъ Могилевской губерніи, печатавшимся въ губернскихъ вѣдомостяхъ преподавателемъ мѣстной семинаріи Соколовымъ.

По мнѣнію комитета, подобныя статьи, печатаемыя въ вѣдомостяхъ, возвращенныхъ отъ Польши губерній, должны бы имѣть главною цѣлью сближать и, такъ сказать, сдружать этотъ край съ коренною Россіею, а не давать поводъ къ толкамъ и нерасположенію... Нѣкоторыя же мѣста этой статьи по необдуманности изложенія едва ли соотвѣтствуютъ означенной цѣли, напримѣръ: „Ни одно изъ племенъ, обитавшихъ въ древности въ нынѣшней Могилевской губерніи, не участвовало въ призваніи въ Россію князей изъ Варяговъ... и эти племена, волею или неволею, должны были признать надъ собою власть Варягоруссовъ“. „Далѣе въ № 7 за 1850 годъ, на стр. 109, авторъ рассказываетъ въ *четыре* сухихъ и безцвѣтныхъ *строкахъ* взятіе Смоленска въ 1514 г. Великимъ Княземъ Василиемъ Іоанновичемъ, а потомъ на *трехъ страницахъ* описываетъ гибельное для Русскихъ сраженіе подъ Оршею; причемъ, въ повѣствованіи между прочимъ сказано: „когда въ Русскомъ станѣ узнали, что половина непріятелей уже на сей сторонѣ рѣки (Дняпра), и прочіе воеводы совѣтовали ударить на эту половину, гордый бояринъ Челяднинъ сказалъ: „мнѣ мало половины, жду ихъ всѣхъ, и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними“. За эту самонадѣянность воеводы, *Россія заплатила стыдомъ и кровію*“.

Доведя о такихъ сепаратистскихъ замыслахъ Соколова до Высочайшаго свѣдѣнія и сообщивъ министру внутреннихъ

1) Кавц. об.-пр., 1850, 44247.

дѣль, Анненковъ увѣдомилъ и духовное вѣдомство „на тотъ конецъ, не признаетъ ли оно полезнымъ привести въ извѣстность все, относящееся до личности автора статьи..., для удостовѣренія, довольно ли онъ благонадеженъ, чтобы оставаться при занимаемомъ имъ мѣстѣ учителя въ Могилевской семинаріи“.

Получивъ соотвѣтствующій запросъ и. д. оберъ-прокурора Карасевскаго, епископъ Могилевскій Анатолій сдѣлалъ прежде всего Соколову „строжайшій словесный выговоръ за необдуманность употребленныхъ имъ въ той статьѣ слововыраженій, не объявляя ему особенныхъ къ тому побужденій, а какъ бы по собственному усмотрѣнію и отъ своего имени“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ имѣвши случаи испытать „наглуго злобу“ духовныхъ цензоровъ ¹⁾, Анатолій приложилъ всѣ старанія къ оправданію Соколова. „Что касается до личности учителя А. Соколова, рапортовалъ Анатолій, то онъ коренной Русскій, родомъ изъ Кашина Тверской губ., характера откровеннаго, общительнаго, добраго, простосердечнаго, незлопамятнаго, поведенія благочестиваго и потому состоитъ помощникомъ инспектора семинаріи; въ исполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей аккуратенъ, преподаетъ предметъ свой съ ревностнымъ усердіемъ, и считается наставникомъ семинаріи не только полезнымъ, но даже однимъ изъ лучшихъ.“

Вмѣстѣ съ симъ, продолжалъ Анатолій, смѣю удостовѣрить Ваше Высокопревосходительство, что здѣсь тѣ, коихъ желательно было бы сблизить съ Россіей, во все не читаютъ Губернскихъ Вѣдомостей, а напиваются сочиненіями на французскомъ и польскомъ языкѣ,... гдѣ съ такою тонкостью скрываются пагубныя цѣли, для которыхъ онѣ издаются, что никакая цензура не найдетъ въ нихъ повода къ запрещенію.

Наконецъ, Анатолій въ подлинникѣ приложилъ весьма обстоятельное объясненіе Соколова, гдѣ почти всѣ мѣста, соблазнявшіе комитетъ, оказались точными цитатами изъ карамзинской „исторіи Государства Россійскаго, напечатанной по Высочайшему повелѣнію“.

Синодъ уважилъ заступничество Анатолія и оставилъ Со-

1) „Анатолій арх. Могилевскій“, Едлинскаго.

колова на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе послѣднему было рекомендовано содѣйствовать вѣдущему сближенію края съ древнимъ отечествомъ Россіей путемъ историческихъ наведеній и—осторожно пользоваться историками. Духовно-цензурнымъ же комитетомъ вновь предписано „объ усугубленіи въ подобныхъ случаяхъ вниманія“¹⁾.

И въ дѣлѣ Соколова, такимъ образомъ,—дѣлѣ политическомъ,—духовное вѣдомство не рѣшилось на цѣльное окончательное заключеніе. Зато вскорѣ явилась для него возможность давать Комитету болѣе сильный отпоръ на собственной богословской территоріи. Въ качествѣ примѣра приведемъ два отзыва, принадлежащіе (судя по почерку черновика), перу ректора академіи Макарія (Булгакова).

Въ „Поучительныхъ словахъ“ Зилантовскаго архимандрита Гавріила Комитетъ 2 апрѣля нашелъ и представилъ Синоду сомнительныя мѣста, полагая, „не можетъ ли подать повода къ превратнымъ сужденіямъ неумѣстное примѣненіе текстовъ, въ пунктахъ 2 и 6 указанное“. Приводимъ вкратцѣ эти и другіе пункты въ непосредственной связи съ заключеніями о нихъ эксперта-спеціалиста:

1) „Какъ наслѣдникъ престола терпѣливо переносить всѣ труды и непріятности, доколѣ не обладаетъ царствомъ, такъ всякій христіанинъ..., дабы наслѣдовать царство, уготованное ему отъ сложенія міра“.

„Сравненіе, возражалъ Макарій, весьма обыкновенное у проповѣдниковъ, потому что христіанинъ есть наслѣдникъ царства Божія (Корин. VI, 9) и сказано: „побѣждающему дамъ съестъ на престолѣ“ (Апок. III, 21).

2) Повергайтесь, говоритъ проповѣдникъ христіанамъ, въ распростертыя на крестѣ объятія Іисуса Христа. Здѣсь и самыя *громы небеснаго правосудія* не могутъ поразить васъ.

Точно „громъ небеснаго правосудія“ не можетъ поразить грѣшника, притекающаго къ заслугамъ Христовымъ, коими умиловливается Богъ. На семъ основано все христіанское ученіе о покаяніи.

3) *Святые* будутъ судить насъ въ страшный день пришествія Іисуса Христа.

Апостолъ Павелъ говоритъ: яко святіи мірови судити

1) Канц. об.-пр. Св. С., 1850, 44324.

имуть; яко ангеловъ судити имамы...; сядете на обоюнадесяти престолу...

4) Кто обыкновенно называется въ мірѣ великимъ? Тотъ, кто происходитъ отъ знаменитыхъ предковъ, кто имѣетъ силу въ народѣ, кто можетъ похвалиться своею независимостью. Христосъ величественнѣе всѣхъ сыновъ міра и по происхожденію и по силѣ и по независимости.

„Совершенно согласно съ ученіемъ Евангелія... Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы знаменитый, сильный, независимый въ мірѣ не могъ быть и чадомъ Божиимъ, и, слѣдственно, еще знаменитѣе, независимѣе, нежели просто въ смыслѣ міра сего... И сами языческіе мудрецы вѣнчали всю мірскую славу, самую знаменитость въ ничто, если при нихъ нѣтъ добрыхъ дѣлъ. Можно ли же запретить это Церкви?

5) Сыны міра сего обыкновенно полагають силу свою или въ многочисленности войска....

Такъ дѣйствительно: а сыны Благодати полагають всю силу въ помощи Божіей. Сіи на колесницѣхъ и сіи на конѣхъ (Ис. 19). (Не спасется царь многою силою и исполнивъ не спасется множествомъ крѣпости своей (Ис 32). Какое же изъ этого заключеніе? То, что многочисленность войска важна только при помощи Божіей. А развѣ не то. у насъ? Развѣ не призываемъ Бога въ помощь? Ясно, что сказанное о сынахъ міра не можетъ относиться къ воинству христову.

6) Истинная независимость—въ свободномъ исполненіи Закона Божія, когда человекъ обратилъ въ свою дѣятельность заповѣди Божіи, когда онъ можетъ похвалиться, что ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ..., ни мечъ ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни *Начальства ни власти*, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни *другая какая тварь* не можетъ отлучить его отъ любви Божіей.

Это точныя слова Русскаго перевода Н. Зав.

Тотъ же полемическій, неуступчивый характеръ можно наблюдать и въ другихъ отзывяхъ, главнымъ образомъ о проповѣдяхъ, одобренныхъ духовной цензурой. Подчеркнутыя Комитетомъ, „какъ не совсѣмъ вѣрные или не совсѣмъ

1) Канц. об.-пр. Св. С.. 1850 г., 44330.

прилично выраженных“ мысли: „Ангелы посылаются на служеніе человѣку“, „ангелы имѣютъ полное право участвовать въ дѣлѣ суда Божія“, „мы обожествились и стали сами яко боги“, „І. Христосъ придетъ неожиданно, какъ тать въ нощи“, оказывались вполне достаточно обоснованными на первоисточникахъ ¹⁾. Наконецъ, та же судьба постигла и представленную комитетомъ рецензію на переводъ твореній Тертулліана. „Въ сочиненіи этомъ, разъяснялъ Анненковъ, содержащемъ превосходныя изъясненія христіанскихъ истинъ и ученія вѣры, обратили однако же вниманіе Комитета 2 апрѣля 1848 г. въ изложеніи ученія еретиковъ нѣкоторыя подробности, едва ли умѣстныя въ сочиненіи христіанскаго писателя, и сверхъ того и рѣзкость выраженій, переходящихъ границы должнаго приличія, хотя русскій переводчикъ и предупреждаетъ въ предисловіи, что Тертулліанъ, увлекшись страстями и мечтами, заблуждался и даже впалъ въ ересь монтанистовъ... Не слѣдуетъ ли, заключалъ Комитетъ, избѣгать по возможности пропуска въ печать подобныхъ неприличій“.

Синодъ (согласно съ запиской м. Никанора) призналъ, что выписанныя Комитетомъ мѣста приводятся въ текстѣ твореній, какъ мысли языческія, или еретическія, чуждыя ученію Церкви и приводятся сочинителемъ для обличенія нелѣпости ихъ; потому, читаемая въ контекстѣ, не представляются противными исторической истинѣ... Вообще, всякое ученіе, которое противно Церкви, признается ею неприличнымъ и даже пагубнымъ; тѣмъ не менѣе отцы Церкви, для опроверженія противныхъ, неприличныхъ ученій, изъясняли ихъ, и въ столь важномъ вопросѣ не столько заботились о выборѣ словъ, сколько о самой сущности вопроса. Съ другой стороны, извѣстно, что древность отличается отъ нашего утонченнаго времени иногда такою простотою выраженій, которая въ наше время показалась бы грубостью и неприличіемъ. Такія мѣста и выраженія находятся даже у самыхъ благонамѣренныхъ писателей, никого въ свое время не могли вводить въ соблазнъ, не должны также вводить и нынѣ, если гдѣ встрѣтятся въ древнихъ духовныхъ твореніяхъ.

¹⁾ Канц. об.-пр. Св. С., 1850 г., 44325.

И лишь заключеніе Синода не гармонировало съ высказанными имъ принципами. При всемъ томъ, однако, говорится тамъ, принимая во вниманіе, что Тертулліанъ не принадлежитъ къ числу св. отцевъ, ни даже къ числу учителей, послѣ того, какъ отпалъ къ монтанизму, должно согласиться, что цензоръ Аввакумъ, (уже въ прошломъ году отрѣшенный за замѣченную Св. Синодомъ слабость въ исполненіи своей должности) не долженъ былъ стѣсняться авторитетомъ заблуждавшагося писателя и имѣлъ право и обязанность исключить замѣченныя мѣста ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ пререканіяхъ безспорно самая неудобная роль выпала на долю Протасова, который такъ неожиданно, по высочайшей волѣ, очутился въ роли знатока духовной части. Даже запасаясь по каждому случаю тѣмъ или инымъ мнѣніемъ Синода, оберъ-прокуроръ все же чувствовалъ себя лишь докладчикомъ въ Комитетѣ 2 апрѣля, передаточной инстанціей. Не могло быть, затѣмъ, ему пріятнымъ и общее подозрительное, сопровождавшееся поспѣшными докладами, отношеніе Комитета въ степени благонадежности лицъ, принадлежащихъ къ его вѣдомству.

Какъ бы то ни было, въ мартѣ 1851 г. Протасовъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія: „По Высочайшему повелѣнію 2 апрѣля 1848 года учрежденъ особый Комитетъ, изъ свѣтскихъ лицъ, для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ всѣхъ произведеній нашего книгопечатанія.

10 декабря 1849 года объявлено сему Комитету, чтобы въ случаяхъ, когда, при разсмотрѣніи книгъ и сочиненій духовнаго содержанія, представляются предметы къ замѣчаніямъ или возникнуть недоумѣнія, приглашаемо былъ въ Комитетъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода.

Съ тѣхъ поръ сообщались мнѣ Комитетомъ выписки изъ разсмотрѣнныхъ въ немъ книгъ, заключающіяся въ себѣ, по мнѣнію онаго, мысли не согласныя съ надлежащими понятіями о разныхъ духовно-нравственныхъ предметахъ. Какъ лице свѣтское, я не могу окончательно судить о предметахъ богословскихъ, а потому долженъ былъ встрѣчаемая Коми-

1) Кавц. об.-пр. Св. С., 1850 г., 44323.

тетомъ сомнѣнія относить на уваженіе членовъ Святѣйшаго Синода, которые, признавая основательность нѣкоторыхъ сомнѣній, по всѣмъ прочимъ замѣчаніямъ Комитета не находили по ученію Православной Церкви (основанному на Отеческихъ писаніяхъ), никакихъ причинъ къ сомнѣніямъ, а между тѣмъ въ тѣхъ же разсмотрѣнныхъ Комитетомъ книгахъ не одобряли такихъ мыслей и выраженій, на которыя и Комитетъ не обратилъ вниманія. Все сіе привело къ заключенію, что въ видахъ строгаго и вмѣстѣ правильнаго, по духу Православной Церкви, наблюденія за произведеніями, въ пропускъ коихъ участвуютъ мѣстные Духовно-Цензурные Комитеты, не только полезно, но даже необходимо имѣть Святѣйшему Синоду достаточные способы, какими пользуется Комитетъ 2 апрѣля 1848 года, но которыхъ Синодъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи. Тогда не только можно было бы вполне достигать предположенной Правительствомъ цѣли, но и въ особенности усилить полезное направленіе Духовной словесности, имѣющей столь важное вліяніе на читателей. По сему долгомъ считаю испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на учрежденіе съ сею цѣлію при Святѣйшемъ Синодѣ особаго Комитета (по примѣру Комитета 2 апрѣля 1848 года) для высшаго надзора за направленіемъ всѣхъ произведеній нашего книгопечатанія, въ пропускъ коихъ участвуетъ Духовная Цензура, и на постановленіе нижеслѣдующихъ правилъ, кои съ учрежденіемъ онаго, представляются необходимыми:

1) Комитету сему состоять изъ нѣсколькихъ, по назначенію Святѣйшаго Синода, высшихъ духовныхъ Сановниковъ (не причастныхъ къ дѣйствіямъ Духовной Цензуры, но имѣющихъ надлежащую опытность въ дѣлахъ ея и всѣ свойства, нужныя для надзора за нею) и изъ одного или нѣсколькихъ старшихъ чиновниковъ Духовнаго вѣдомства, по назначенію Оберъ-Прокурора.

2) Святѣйшему Синоду, по замѣчаніямъ Комитета о упущеніяхъ Духовной Цензуры, принимать зависящими отъ него распоряженіями должныя мѣры ко взысканію съ виновныхъ и исправленію замѣченнаго. (Если же Комитетъ по предмету наблюденій своихъ въ духовномъ отношеніи усмот-

рить что либо касающееся изданій иныхъ вѣдомствъ, то представлять о семъ на Высочайшее усмотрѣнiе).

3) Какъ въ Духовную Цензуру передаются на разсмотрѣнiе изъ Гражданской нѣкоторыя касающiяся духовныхъ предметовъ мѣста или статьи изъ книгъ свѣтскихъ, то для доставленiя Комитету возможности повѣрять всѣ дѣйствiя Духовной Цензуры, установить, чтобы сверхъ книгъ, ею исключительно одобренныхъ, и на основанiи § 52 Устава о Цензурѣ представляемыхъ Типографiями по напечатанiи въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ въ Духовно-Цензурные Комитеты, было доставляемо въ сiи же Комитеты по одному экземпляру и тѣхъ книгъ, или статей, въ коихъ нѣкоторыя мѣста разсмотрѣны Духовною Цензурою, и чтобы сей экземпляръ былъ также немедленно препровождаемъ въ Святѣйшiй Синодъ.

4) Всѣ канцелярскiя издержки по Комитету, а также и вознагражденiе сотрудниковъ за занятiя по разсмотрѣнiю книгъ, относить насчетъ духовно-учебныхъ капиталовъ по усмотрѣнiю Святѣйшаго Синода, примѣнительно къ другимъ подобнымъ учрежденiямъ ¹⁾).

Докладъ этотъ 4 апрѣля 1851 года былъ утвержденъ, при чемъ опредѣлились и нѣкоторыя детали. Такъ,

„Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы всегда первоначальный пересмотръ книгъ не духовнаго содержанiя дѣлаемъ былъ въ Комитетѣ 2 апрѣля, и отъ него уже, въ случаѣ сомнѣнiя, передаваемы были книги въ учреждаемый при Святѣйшемъ Синодѣ Комитетъ; собственно же книги духовнаго содержанiя разсматривать прямо въ семъ послѣднемъ Комитетѣ“. Въ концѣ концовъ было принято за правило, чтобы „всѣ печатныя произведенiя, пропущенныя Духовною Цензурою, не были уже подвергаемы никакому въ Комитетѣ 2 апрѣля разсмотрѣнiю и, напротивъ, изъ числа сочиненiй, пропущенныхъ Цензурою свѣтскою, въ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ разсматривались только тѣ, которыя въ случаѣ сомнѣнiя, будутъ переданы въ оный изъ Комитета 2 апрѣля. Засимъ наблюденiе Комитета 2 апрѣля за исполненiемъ Устава о Духовной Цензурѣ заключалось бы единственно въ томъ,

¹⁾ Канц. об.-пр. 1851, 46054.

чтобы свѣтская Цензура не принимала на себя разсмотрѣніе тѣхъ сочиненій и переводовъ, которые, по сущности своей должны подлежать Цензурѣ Духовной“.

Видную въ Комитетѣ роль играли сподвижники Протасова Сербиновичъ и Войцѣховичъ, которыхъ онъ сразу же предложилъ зачислить въ члены комитата, наряду съ духовными особами: арх. Григоріемъ казанскимъ, протопресвитеромъ В. Б. Божановымъ и Христофоромъ, епископомъ ревельскимъ.

Какой же характеръ получила работа новаго секретнаго Комитета? Могъ ли онъ имѣть достаточное количество матеріала для занятій, могъ ли онъ, затѣмъ, находить слишкомъ важныя упущенія со стороны ригористическихъ духовныхъ цензоровъ, которыя достойны бы были высочайшаго вниманія.

Въ духовномъ вѣдомствѣ не было Современника, или хотя бы Отечественныхъ Записокъ, не было Салтыкова, Даля, кружка пяти „открыто неблагонамѣренныхъ“ славянофиловъ,—издателей Московскаго сборника (Хомякова, двухъ Аксаковыхъ, Кирѣевскаго и Черкаскаго), не было и достаточной опытности въ печатаніи и чтеніи между строкъ. Неудивительно, поэтому, что отчеты Комитета и доклады Протасова, въ значительной мѣрѣ уступаютъ яркости докладовъ Комитета 2 апрѣля.

Но зато тѣмъ интенсивнѣе на первыхъ порахъ было стремленіе Комитета и его учредителя время отъ времени представлять доказательства неусыпной бдительности, импонировать при возможности цифрами, блеснуть при случаѣ чистотою своихъ критеріевъ.

Спустя три—четыре мѣсяца со времени учрежденія Комитета, Протасовъ представилъ первый докладъ о его дѣятельности. „Поступило и разсмотрѣно, заявлялъ онъ, 86 книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя подвергнулись и замѣчаніямъ“. Гвоздемъ доклада служила критика народныхъ изданій Майера (Иверсена), изъ которой выписываемъ здѣсь лишь слѣдующее заключеніе. „Чтеніе подобныхъ книгъ, указывающихъ путь независимый отъ Православной Церкви и тѣмъ внушающихъ равнодушіе къ ея ученію, іерархіи, Таинствамъ, Уставамъ, обрядамъ и преданіямъ, не безопасно для Русскаго простаго народа тѣмъ болѣе, что онъ, незнакомый ни съ такъ—на-

зываемыми общими понятіями о христіанствѣ, ни съ догматами иноземныхъ вѣроученій, можетъ охлажденіе свое къ Іерархіи Церкви выразить только прямымъ участіемъ или въ Духоборческой сектѣ, именующей себя Духовными Христіанами, или въ другихъ толкахъ раскола, гдѣ наставники-міряне, или такъ называемые начетчики, замѣняютъ собою законныхъ Духовныхъ Пастырей.

Сознавая грозящую опасность, Комитетъ находилъ необходимымъ какъ всѣ сіи, такъ и прочія издаваемые книгопродавцемъ Мейеромъ на Русскомъ языкѣ духовно - нравственныя книжки подвергнуть самому строгому и внимательному пересмотру Духовной Цензуры, съ тѣмъ, чтобы о каждой изъ нихъ представлено было Синоду особое мнѣніе, вновь же допускаемы были къ печатанію только тѣ, которыя или составлены въ духѣ Православія или будутъ передѣланы согласно ученію Православной Церкви.

Тамъ же изложены были постановленія Комитета и относительно еще двухъ книгъ. Это Библейско-Біографическій словарь Яцкѣвича и Благовѣщенскаго и Исторія Русской Церкви (т. V Синодальное управленіе, М. 1848) Филарета епископа Харьковскаго. Въ первой еще Комитетъ 2 апрѣля нашелъ разныя „излишности и неумѣстныя сужденія“ (какъ то сравненіе ученія философа Сенеки съ ученіемъ Апостола Павла, ссылки на Руссо въ защиту Св. Писанія). Комитетъ при Синодѣ, на основаніи отзыва спб. духовно - цензурнаго комитета обусловилъ новое изданіе исправленіемъ всѣхъ погрѣшностей.

Передѣлать всю книгу вновь было рекомендовано и исторіку Филарету. При этомъ Синодъ поставилъ ему на видъ, что и вообще во всякомъ сочиненіи, а тѣмъ болѣе при составленіи книги такой важности, какова Исторія Церкви ближайшаго къ нашему времени, неприлично допускать подобную поспѣшность и неосновательность, вводящую читателей въ заблужденія, тогда какъ сей предметъ требуетъ возможной зрѣлости труда, равно какъ и неприлично употреблять выраженія насмѣшливыя, колкія, несоотвѣтственныя ни достоинству Церковной Исторіи, ни тону Духовнаго Писателя.

¹⁾ Канц. об.-пр., 1851, 46056.

Въ слѣдующей группѣ разсмотрѣнныхъ Комитетомъ 2 апрѣля книгъ особенное вниманіе обратили „Письма“ архим. Макарія (Глухарева). Хотя, говорится въ отзывѣ, эта книга принадлежитъ къ числу доставляющихъ назидательное чтеніе, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось въ ней не мало мѣстъ, несогласныхъ съ правилами духовной цензуры, и между прочимъ такихъ, которыя въ неопытномъ читателѣ могутъ рождать вопросы и недоумѣнія.—Такъ между прочимъ приводятся въ ней нѣкоторые тексты Библии по нѣмецкому переводу; превозносятся похвалами иностранныя книги: „Объ истинномъ христіанствѣ“, Іоанна Ардта и другія, принадлежащія къ числу мистическихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допущено неправильное объясненіе событій изъ Священной Исторіи.

Нѣкоторыя неправыя мнѣнія были отмѣчены въ Краткомъ обзорѣніи Богослуженія, прот. Дебольскаго (напр. римско-католическій оттѣнокъ въ изъясненіи смысла епитемій, недостатокъ ссылокъ на свв. отцевъ Церкви, изъяснявшихъ обряды Богослуженія и т. д. ¹⁾).

Въ томъ же 1852 г. секретный синодальный комитетъ доложилъ, что имъ разсмотрѣно еще 272 рукописи и печатныя книги. Нѣкоторые, содержащіеся здѣсь отзывы, напр. о давно изданномъ переводѣ „Часы благоговѣнія“ о „Мысляхъ, извлеченныхъ изъ Евангелистовъ“ Миляева, — довольно обширны (хотя, впрочемъ, и не всегда составлены самимъ Комитетомъ) и содержатъ то же стараніе изгнать всякое проявленіе духа протестантизма. Подвергались замѣчаніямъ и снимки съ картинъ европейскихъ художниковъ, какъ „несогласныя съ духомъ и преданіемъ Православной Церкви и религіозныя стихотворенія, писанныя легкимъ размѣромъ. Со всею скрупулезностію очищались догматическія опредѣленія, такъ что, напримѣръ, не допускалось выраженіе „Троичность лицъ въ Богѣ составляетъ основной догматъ христіанства“, а ограничивалось: „одинъ изъ основныхъ догматовъ христіанства“... Выраженіе: „Церковь новозавѣтная есть собраніе вѣрующихъ въ Иисуса Христа“ признавалось неправильнымъ, „ибо и ветхозавѣтная также вѣрила въ него, яко грядущаго Мессію“.

¹⁾ К. О. П. С. С., 1853 г., № 234.

Не приводя болѣе всѣхъ этихъ, въ общемъ очень однообразныхъ замѣчаній, необходимо обратить вниманіе на то, что собою сталъ представлять синодальный комитетъ среди учрежденій духовной цензуры.

Въ то время, какъ комитетъ 2 апрѣля болѣе послѣдовательно выдерживалъ свой характеръ карательной цензуры, его отрасль—Комитетъ 4 апрѣля обнаружилъ сильную тенденцію къ тому, чтобы вмѣстѣ стать и органомъ предварительнаго надзора. Это не трудно объяснить. Первый стоялъ совершенно внѣ и надъ вѣдомствомъ министерства народного просвѣщенія. Второй же, отчасти за недостаткомъ дѣятельности, въ значительной мѣрѣ принимая на себя цензурныя функціи Синода, почти безъ различія сталъ разсматривать не только уже изданныя книги, но и предназначавшіяся къ печати рукописи. Синодъ лишь утверждалъ его заключенія. Съ постепеннымъ же выбытіемъ изъ состава Комитета членовъ „поступавшія въ него бумаги непосредственно представляемы были въ Св. Синодъ и, по докладѣ оному, разрѣшались тѣмъ же порядкомъ, какъ и прочія бумаги, поступавшія на имя Св. Синода, и особыхъ производствъ по нимъ въ Комитетѣ заводимо не было“ ¹⁾.

По инициативѣ секретнаго Комитета было введено правило, въ значительной мѣрѣ его облегчавшее. Всѣмъ цензурнымъ комитетамъ было предписано, чтобы они о представляемыхъ въ Синодъ рукописяхъ и книгахъ „не полагали впредь общаго сужденія своего до тѣхъ поръ, пока каждый изъ членовъ не обратитъ надлежащаго вниманія на представляемое сочиненіе со всѣми сдѣланными въ немъ цензоромъ исправленіями, дабы такимъ образомъ представленіе Комитета имѣло надлежащую полноту и благонадежность“. Кромѣ того, цензорамъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы они красными чернилами дѣлали положительныя указанія, какія именно мѣста въ представляемомъ сочиненіи слѣдуетъ исключить, но никакъ не обводили бы чернилами сомнительныя мѣста, предоставляя исключеніе оныхъ на произволь сочинителя или издателя“ ²⁾.

Въ своихъ отношеніяхъ къ подвѣдомственнымъ ему учре-

¹⁾ Сборникъ законопол. и расп. по дух. цензурѣ, стр. 165—166.

²⁾ Указъ 2 іюля 1853 г.

женіямъ секретный Комитетъ при Синодѣ копироваль строгость секретнаго комитета, наблюдавшаго за гражданской цензурой. Какъ синодальный комитетъ въ своихъ отчетахъ, такъ и Протасовъ въ своихъ докладахъ любили отмѣчать, что за преступленіемъ тотчасъ послѣдовало и наказаніе.

Болѣе всего случаевъ поставленія на видъ комитетамъ разнаго рода упущеній произошло въ 1852 году. Какъ высшую мѣру предупрежденія и пресѣченія Комитетъ употреблялъ отрѣшеніе отъ должности. Ей именно подвергся одинъ изъ членовъ московскаго духовно-цензурнаго комитета.

Въ учредительномъ положеніи о синодальномъ цензурномъ комитетѣ, какъ было выше указано, строго разграничивались сферы наблюденія обоихъ верховныхъ цензурныхъ учрежденій на основаніи принципа невмѣшательства. Какъ общее правило это соблюдалось, но были и нарушенія. Напримѣръ, московскому дух.-цензурному комитету было поставлено синодальнымъ комитетомъ на видъ одобреніе біографіи Пожарскаго, какъ книги чисто-исторической и вмѣстѣ предписано всѣмъ прочимъ комитетамъ не принимать на разсмотрѣніе книги не духовнаго содержанія ¹⁾).

Но зато, когда, напр., въ Кіевѣ въ 1854 году была издана книга „О числѣ, мысли Порфирія Гоствило - Корниловича“ на комитетъ 2-го апрѣля было оказано со стороны духовной власти давленіе. Когда въ книгѣ оказались многія разсужденія, касающіяся догматовъ вѣры, Комитетъ 2 апрѣля объявилъ по гражданской цензурѣ слѣдующее распоряженіе: свѣтская цензура должна входить въ сношеніе съ цензурою духовною всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, хотя бы по прямому закону, какъ въ настоящемъ случаѣ, она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры ²⁾).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (6 декабря 1855 г.) послѣ восшествія на престолъ имп. Александра II, комитетъ 2 апрѣля прекратилъ свое существованіе. Видя наступленіе новыхъ временъ, самъ его предсѣдатель баронъ Корфъ представилъ докладъ на тему, что „Комитетъ въ настоящее время не

¹⁾ К. О. П. С. С., 1852, 239.

²⁾ М. Лемке. Очерки... 297 стр.

только пересталъ быть полезнымъ, но и сдѣлался вреднымъ“. Секретный Комитетъ при Синодѣ не сразу рѣшился на такое самоубійство, хотя состоялъ уже лишь изъ двухъ членовъ. Онъ еще, вѣроятно, „выжидалъ“ и лишь въ 1860 году прекратилъ свое существованіе ¹⁾).

Интересенъ доводъ, которымъ Синодъ мотивировалъ свое предположеніе о закрытіи Комитета. Онъ дипломатичнѣе, чѣмъ соображенія Корфа. „Св. Синодъ, говорится здѣсь, имѣя въ виду, что въ теченіи слишкомъ семилѣтняго наблюденія сего Комитета за произведеніями печатной духовной литературы не замѣчено имъ въ дѣйствіяхъ Духовной Цензуры ни одного случая, который бы указывалъ на необходимость продолженія подобнаго наблюденія на будущее время, полагаетъ: означенный Секретный Комитетъ упразднить“ ²⁾).

Ал. Котовичъ.

¹⁾ Докладъ Синода о закрытіи комитета датированъ 11 — 24 февраля 1859 года, но высочайше утвержденъ лишь 25 мая 1860 года, заслушанъ же въ Синодѣ 20 августа.

²⁾ Дѣло канц. об.-пр. 1859 г., № 40.